

УДК 81'373.612
ББК Ш103.2

ГСНТИ 16.21.65

Код ВАК 10.02.19

И. А. Стернин **I. A. Sternin**
Е. А. Маклакова **E. A. Maklakova**
Воронеж, Россия Voronezh, Russia

СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

SOCIAL-NORMATIVE COMPONENT IN THE STRUCTURE OF WORD'S MEANING

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы семного описания значения слова в ракурсе феномена политической корректности на материале контрастивных исследований в русском и английском языках. Обосновывается необходимость введения специальных словарных помет, которые желательно использовать в словарных дефинициях для унифицированного метаязыкового семного описания слова.

Abstract. The study presents the problems of semantic description of word's meaning from the perspective of political correctness based on contrastive research in Russian and English. The study gives proof of the necessity of introduction requirements of special lexicographic labels, which are desirable to be used in lexicographic definitions when describing semantic structure of words with the help of unified meta-linguistic semantic units.

Ключевые слова: политическая корректность; наименования лиц; контрастивный анализ; функциональный макрокомпонент значения; унифицированный метаязык семного описания.

Key words: political correctness; persons' nominations; contrastive analysis; functional macro component of the meaning; unified meta-language of semantic description.

Сведения об авторе: Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики.

About the author: Sternin Iosif Abramovitch, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian Language and Stylistics.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: sterninia@mail.ru.

Сведения об авторе: Маклакова Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков.

About the author: Maklakova Elena Albertovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages

Место работы: Воронежская государственная лесотехническая академия.

Place of employment: Voronezh State Academy of Forestry Engineering.

Контактная информация: 394087, г. Воронеж, ул. Докучаева, 10, корп. 7, к. 303.
e-mail: elena.maklakova5@mail.ru.

Сложившееся в современной семасиологии представление о структурном характере значения придает импульс к развитию такого направления науки о значении слова, как **семная семасиология**, которая изучает **семный состав** языковых единиц и описывает значения языковых единиц как **структурированную совокупность сем**.

Функциональный макрокомпонент включает **стилистические, социальные, темпоральные, частотные и территориальные семы** (более подробно см.: [Стернин 2008; Маклакова 2011; Маклакова, Стернин 2013]), выделение которых, как правило, не вызывает сомнения и споров среди лингвистов и лексикографов, хотя относительно выделения конкретных микрокомпонентов в конкретных значениях часто высказываются различающиеся мнения.

Принято считать, что значение слова обусловлено рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, совокупность которых образует структуру значения, состоящую из мега-, макро- и микрокомпонентов [Стернин 2008: 83—88]. Важнейшие мегакомпоненты значения — **лексический** и **структурно-языковой**. В данном исследовании нас интересует последний, точнее вычлняющийся в его составе **функциональный** макрокомпонент, в котором содержится информация о признаках слова как функциональной единицы языка, т. е. отражение в значении языковой действительности.

Соответствующие дифференциации значений по данным семам обнаруживаются при парадигматическом компонентном анализе значений, а также при анализе контекстуального употребления слов. Многие функциональные семы могут быть обнаружены дефиниционным анализом, проводимым по материалам лексикографических источников: выделение вышеназванных семантических компонентов является общепризнанной практикой описания их значений, ибо такими пометами, как **книжное, высокое,**

разговорное, сниженное, музыкальное, юридическое, церковное, тибетское, устарелое и мн. др., составители словарей информируют пользователей о характерных особенностях употребления слов и их отличиях от других языковых единиц.

Думается, что, с учетом современных тенденций развития языка, в частности его лексического состава, а также современного уровня семной семасиологии, список функциональных микрокомпонентов, необходимых для семного описания значения, может быть расширен.

В последнее время, особенно в американской лингвокультуре, прослеживается тенденция к повышенной эвфемизации антропимической лексики при описании ряда социальных явлений. Американские лингвисты отмечают многообразие мотивов, заставляющих американцев столь часто прибегать к эвфемизмам. Выделим лишь некоторые из них:

1) стремление разрешить сложные эмоциональные ситуации, например когда речь идет о смерти: *the loved one* (дорогой, любимый) вместо *body, corpse* (труп);

2) сокрытие правды: *culturally-deprived area* (культурно неблагоприятная территория) вместо *slum* (трущобы);

3) придание более высокого социального статуса: *sanitary engineer* (санитарный инженер) вместо *garbage man* (уборщик мусора);

4) стремление удовлетворить человеческое тщеславие (например, с помощью рекламы): *pretty-plus girl's size* (в значительной степени дополнительный женский размер) вместо *overly large (plump, fat) girl's size* (очень большой размер, для полных и тучных).

Что касается культурных особенностей образного языка рекламы, то в ней на фоне широко развернутой кампании за здоровый образ жизни используются следующие «привлекательные» формулировки при описании одежды для людей с избыточным весом:

– *husky-plus* (добавочный для здоровяков, для крепко сложенных — о мальчиках);

– *adult sizes, mature sizes* (размеры для взрослых, для достигнувших взрослого состояния — о женщинах);

– *portly, stout, mature, big, adult sizes* (размеры для дородных, солидных, взрослых, для достигнувших взрослого состояния, крупных — о мужчинах);

– *full-figure fashions* (модели свободного, широкого покроя);

– *hard-to-fit sizes* (для тех, кому трудно подобрать размер — о покупателях разных категорий) [Леонтович 1998].

Можно также привести следующие примеры распространенных в США эвфемиз-

мов, которые позволяют представить неприятные, нежелательные, оскорбляющие чье-либо достоинство явления в более выигрышном, «облагороженном» свете: *бедные* — *disadvantaged* (= *poor*), *крысолов* — *exterminating engineer* (= *rat catcher*), *смиренные-инвалиды* — *students with special needs* (= *handicapped students*).

Это же стремление прослеживается в попытке переименовать некоторые профессии: *beautician* вместо *hairdresser* (парикмахер), *shoe rebuilder* вместо *cobbler* (сапожник, ремонтирующий обувь), *canine control officer* вместо *dog catcher* (работник, занятый отловом бродячих собак), *custodial engineer* вместо *janitor* (дворник, уборщик), *homemaker* и даже *household executive* вместо *housewife* (домохозяйка) [Battles 1976].

Особое внимание уделяется словам, обозначающим этническую и расовую принадлежность, поскольку, как указывает В. И. Карасик, «большинство субъективных пейоративов в английском языке составляют оскорбления по национальным и расовым признакам» [Карасик 2002: 87]. При этом следует подчеркнуть, что и в английском, и в русском языке в разговорной ситуации этнонимы не всегда используются как вербальные маркеры этнической принадлежности, например:

– *арав* (семема-2) — лицо, мужской пол, пронырливый, хитрый, ловкий в делах, занимается мошенничеством и обманом;

– *афганец* (семема-2) — лицо, мужской пол, служил в Советских вооруженных силах, принимавших участие в военных действиях на территории Афганистана (1980—1989);

– *варяг* (семема-2) — лицо, мужской пол, приглашен для помощи, усиления чего-н. в какой-л. коллектив со стороны; не принадлежит к данному кругу; шутовское;

– *кутаец* (семема-2) — лицо, мужской пол, хитрый;

– *mongol* — лицо, мужской/женский пол, страдает синдромом Дауна; оскорбительное; ср. *Mongol, Mongolian* — монгол/монголка.

Американские лингвисты рекомендуют проявлять подобную корректность и по отношению к людям разных возрастных групп. Например, слова *girl* и *boy* не советуют употреблять по отношению к людям старше 13 лет. Подростков нередко называют *young man / young woman, young adults*, дабы польстить их самолюбию. Популярным в последнее время в английской речи стало образование *senior citizens* (старшие граждане) вместо *old age pensioners* (пенсионеры по старости). Термин *senior citizen* официально употребляется по отношению к людям старше 65 лет [Bovee, Thill 1986].

Тенденция к широкому употреблению подобных эвфемизмов особенно ярко проявилась в последние десятилетия в связи со стремлением американцев к **политической корректности**, что было закреплено на законодательном уровне.

Общий принцип политически корректного коммуникативного поведения сводится к неиспользованию лексики, а также невербальных действий, подчеркивающих определенные аспекты идентичности личности (пол, возраст, этническую и расовую принадлежность, физическое состояние и т. д.). Например, рекомендуется не упоминать о физических недостатках человека, если эта информация не составляет суть коммуникации. Если же указание на эту информацию неизбежно, то следует стараться заменить неприятные, обидные формулы на более мягкие и тактичные.

В современной политически корректной лексике английского языка вполне обоснованно широкое распространение получают выражения, которые используются для обозначения наименований лиц, отличающихся какими-либо физическими особенностями. Например, не рекомендуется обращаться к людям как к *инвалидам*, вместо этого рекомендуется использовать политкорректное выражение *люди, преодолевающие трудности из-за своего физического состояния* (physically challenged). Причина в том, что в общественном мнении подобная замена косвенно будет способствовать решению стоящих перед обществом проблем соответствующего характера, в частности по отношению к *умственно отсталым детям* (retarded children), которых рекомендуется называть *детьми, испытывающими трудности при обучении* (children with learning difficulties).

Для того чтобы не ущемлять права представителей однополых браков, имеющих детей, в США предлагается ввести новые формы анкетирования, в графах которых, вместо слов *мать* и *отец*, стоят слова *родитель 1* и *родитель 2*.

Нормы политической корректности должны соблюдаться и при разговоре о материальном достатке и социальном положении людей: «Индикация стиля жизни в англоязычном обществе построена таким образом, чтобы менее состоятельные люди по возможности не чувствовали себя ущемленными» [Леонтович 2005: 257].

Политически корректные высказывания фактически выступают эвфемизмами, которые, «будучи эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выраже-

ний, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [ЛЭС 1990: 549].

Однако следует уточнить, что речь идет не об эвфемизмах вообще, а именно о *политически корректных употреблениях*, которые отличаются от проявления обычной человеческой вежливости. Если последняя связана с желанием наладить доброжелательные отношения с конкретным человеком, то «политически корректный эвфемизм — это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения» [Киселева 1998: 116].

Сложность понимания и употребления таких единиц английского языка русскими коммуникантами обусловлены тем, что в России сам **феномен политической корректности** в обществе выражен слабо.

Иллюстрацией этого тезиса могут служить такие словосочетания, как *пенсия по старости, школа для глухонемых, общество слепых, старородящая первородка, полторы калеки* (разг. шутл. о нескольких, немногих старых, немощных людях), *малообеспеченные слои населения, дом для престарелых, инвалид третьей группы*.

Кроме того, в русском языке наблюдается устойчивая тенденция, в результате которой даже некоторые политкорректные образования с течением времени приобретают ярко выраженную неодобрительную оценку и отрицательно-эмоциональную коннотацию, например: *выходцы с Кавказа, лицо кавказской национальности, мигранты из Средней Азии*.

Одна из причин такого положения дел — это отсутствие в России законов и инструкций, касающихся норм **политической корректности**, равно как и несформированность этого понятия в сознании большинства носителей русского языка. Как справедливо отмечает С. Г. Тер-Минасова, «русский язык, как правило, не обременяет себя соображениями гуманности и чуткости по отношению к отдельному человеку» [Тер-Минасова 2000: 223].

В связи с этим при межкультурных контактах между русскими и американцами нередко возникают неловкие ситуации, основанные на игнорировании русскими норм политической корректности.

Для исследования в русле семной семаиологии важен языковой аспект проблемы, позволяющий уточнить, какими объективными языковыми характеристиками должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как *нерекомендуемой/рекомендуемой* в тех или иных коммуникативных ситуациях.

Институциональный дискурс [Шейгал 2000; Карасик 2004], в котором преимущественно и рекомендуются употреблять *политкорректную лексику*, предполагает формальную, сугубо официальную коммуникацию, которая, в отличие от межличностного, обыденного общения характеризуется отсутствием оценочности и эмоциональности в отношениях как между представителями института, так и между институтом и его клиентами.

В процессе такой коммуникации представителю того или иного социального института необходимо постоянно проявлять осторожность, иными словами *политкорректность*, в особенности при выборе наименований нелицеприятных явлений действительности, о которых так или иначе приходится говорить в той или иной коммуникативной ситуации.

В случае несоблюдения определенных норм речевого поведения (а именно, при использовании *неполиткорректной* лексики) высока вероятность негативной реакции, критики или разоблачения со стороны адресата и, как следствие, возможность потери статуса, авторитета или власти социальным институтом или его представителем.

При этом нужно учитывать, что понятие *неполиткорректность* не тождественно по смыслу признаку нормативности/ненормативности тех или иных единиц языка, согласно которому такие разряды лексики, как грубая и нецензурная, квалифицируются соответственно как неприличная и непристойная и исключаются моральным запретом общества из публичного употребления.

В свете этого логично заключить, что «нецензурная лексика, так же как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки. Она тоже может использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций» [Стернин 2006: 345].

При этом, как ни парадоксально, американское языковое сообщество, так любящее эвфемии, тем не менее грешит «достаточно высокой степенью терпимости к нецензурным выражениям» [Steiner 1975: 174].

В среде русских образованных людей, в отличие от американцев, степень терпимости к табуированной лексике не столь велика. Коннотативная маркированность русской инвективной лексики намного превосходит английскую. Те формы языкового выражения, которые считаются приемлемыми в присутствии американской женщины, недопустимы в обществе русской. Последствия этого обстоятельства в межкультурном общении могут быть очень серьезными. Участник межкультурной коммуникации должен быть

в состоянии сбалансировать степень ненормативности слов и выражений в двух контактирующих языках. В противном случае могут возникнуть неоправданные обиды, неверная оценка партнера по коммуникации и его речевого поведения как слишком вольного или, напротив, пресного и лицемерного, неуместное употребление слишком «крепких» словечек в неподобающих ситуациях.

В последнее время довольно часто в англоязычных изданиях толковых словарей (American Heritage Dictionary of the English Language, Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Longman Dictionary of English Language and Culture, The Oxford Dictionary of Current English) встречаются словарные пометы об ограничении словоупотребления наименований лиц в связи с *политкорректностью* или *неполиткорректностью*. Среди этих пояснений отметим следующие:

- *now considered offensive* (считается оскорбительным в настоящее время);
- *some people think that this word is offensive* (некоторые люди считают это слово оскорбительным);
- *taboo. Do not use this word* (Табу. Не употребляйте данное слово).

Принимая во внимание подобный опыт в лексикографическом описании наименований лиц и учитывая, что термин *политическая корректность* уже довольно прочно вошел в употребление во многих языках, следует, на наш взгляд, ввести обязательные пометы, которые характеризуют допустимость/недопустимость публичного употребления определенных языковых единиц как отражение **социально-нормативного функционального признака** в их семантике.

Социально-нормативный компонент значения характеризует лексику, которая социально противопоказана / показана к употреблению в публичной речи по отношению к определенным группам лиц (явлениям, действиям, признакам) и выражает социальное отношение общественного сознания к данной группе лиц (явлений, действий, признаков).

На современном этапе развития общества языковое сознание носителя языка воспринимает политкорректность/неполиткорректность как реальный смысловой признак слов определенных семантических разрядов. Этот смысловой признак носит нормативный характер, т. е. характеризует функциональное соответствие того или иного слова или выражения нормам коммуникативной допустимости употребления данной языковой единицы в публичной речи.

На наш взгляд, целесообразно ввести особые стилистические пометы для признака

политкорректности — **политкорректное/неполиткорректное**, — который должен находить отражение в лексикографическом описании соответствующих слов как при одноязычном, так и при контрастивном исследовании.

В контрастивном исследовании использование подобных помет позволяет осуществлять контрастивное сопоставление русских наименований лиц и их английских переводных соответствий с учетом современных тенденций в развитии двух языковых картин мира и выявлять национально-специфические различия между ними.

Приведем примеры.

Политкорректное — в значениях слов и словосочетаний:

- *лицо с ограниченными физическими возможностями, параолимпиец, страдающие от избыточного веса, лицо нетрадиционной ориентации, страдающие от алкогольной или наркотической зависимости люди, лицо без определенного места жительства, не имеющий трудового дохода / состоящий на учете в службе занятости гражданин, социально необеспеченные слои населения, ребенок с ограниченными возможностями здоровья, слабоуспевающий / испытывающий трудности в обучении ученик, отбывающий наказание в местах лишения свободы, асоциальный элемент, граждане из стран Азии и Ближнего Востока, лица с неславянской внешностью;*

- *refuse collector* (собиратель вещей, от которых отказались), *disadvantaged* (лишенные возможностей), *economically disadvantaged* (экономически ущемленные), *unwaged* (не получающие зарплаты), *substance abuse survivor* (злоупотребляющий алкоголем), *person of differing sobriety* (индивидуум иной трезвости); *African-American / Afroamerican, Afro-Caribbean, chairperson* (председательствующая персона), *congressperson, spokesman* (делегат), *camera operator* (оператор), *mail carrier* (почтальон), *headteacher* (директриса), *police officer* (полицейский), *aurally inconvenienced* (с затрудненным слуховым восприятием);

- *mulat* — *mixed race, индеец* — *American Indian / Native American, абориген* — *indigenous inhabitant / person, иностранец* — *alien / newcomer*, инвалид — *differently-abled* (обладающий другими способностями) — *physically challenged* (испытывающий трудности из-за своего физического состояния) — *physically different* (отличающийся физически), полные люди — *big-boned* (ширококостные) — *differently sized* (отличительного размера) — *horizontally challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за горизон-

тальных пропорций), *люди низкого роста* — *vertically challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за вертикальных пропорций), *hair-disadvantaged* (не имеющий волос), неуклюжий — *uniquely coordinated* (со специфической координацией) и т. д.

Неполиткорректное — в значениях слов и словосочетаний:

- *инвалид* — участник Олимпийских игр, искалеченный, калека, покалеченный, однорукий, хромой, безрукий, одноглазый, заика, душевнобольной, психбольной, глухонемой, интернат для слепых, больница для умалишенных, умственно отсталый, ребенок-дебил, слабоумный, даун, паралитик, выходец с Кавказа, лицо кавказской национальности, мигранты из Средней Азии, старородящая первородка, коротышка, карлик, лысый, жирный, толстый, цветной, черномазый, лягушатник, макаронник, азер, чурка, негритос, япошка, узкоглазые, китаёза, нацмен, потерявший работу, бродяга, бедняки, нищие, заключенный, колонист, пьяницы и наркоманы, пьянь, рвань, гомик, голубой, гяур (у мусульман: иноверец, презр.);

- *bin man* (бомж, роющийся в помойках), *poor* (бедные люди), *unemployed* (безработные);

- *alcoholic* (алкоголик), *Black* (негр), *mulatto* (мулат), *chairman* (председатель), *congressman* (член конгресса), *spokesman* (делегат), *policeman* (полицейский), *invalid* (инвалид) — *handicapped* (имеющий физические недостатки) — *disabled* (искалеченный), *deaf* (глухой), *cripple* (калека) — *physically handicapped* (страдающий каким-либо физическим недостатком), *fat people* (толстые люди), *short people* (низкорослые люди), *bold* (лысый), *Negro, darkie* (негр), *coloured* (цветной), *Red Indian/Macaca* (индеец) и т. д.

В некоторой степени политическая корректность призвана стать инструментом профилактики «конфликтов в поликультурном обществе — между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т. д. — путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям» [Базылев 2007: 8].

Концепт «политкорректность» широко обсуждается в различных странах, в результате чего приобретает все более выраженный языковой характер. Поскольку в лингвистике сложилась традиция изучения отражения специфики национального мирови-

дения в языке, которая, в частности, касается исследования семантики слов и словосочетаний, актуальной, на наш взгляд, является потребность рассматривать лингвистическое воплощение подобной специфики в словарных материалах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3 (23). С. 8—12.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
3. Карасик В. И. Языковой круг. — М. : Гнозис, 2004.
4. Киселева Т. В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира : материалы междунар. науч. конф. (7—10 окт. 1997 г.) — Казань : Казан. гос. ун-т. 1998. Т. 1. С. 115. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n62.htm.
5. Леонтович О. А., Шейгал Е. И. Жизнь и культура США : лингвострановедческий словарь. — Волгоград : Станица-2, 1998.
6. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. — М. : Гнозис, 2005.
7. Лингвистический энциклопедический словарь = ЛЭС. — М. : Советская энцикл., 1990.
8. Маклакова Е. А. Контрастивная лингвистика и национальная специфика семантики слова (на материале наименований лиц в русском и английском

языках) : моногр. — Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany : LaP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.

9. Маклакова Е. А. Семное описание и контрастивный анализ значения слова: на материале наименований лиц в русском и английском языках : моногр. — Saarbrücken : Lambert Academic Publ., 2013.

10. Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии : моногр. — Воронеж : Истоки, 2013.

11. Стернин И. А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2006. С. 339—353.

12. Стернин И. А. Избр. работы. Теоретические и прикладные аспекты языкознания / науч. ред. 3. Д. Попова. — Воронеж : Истоки, 2008.

13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная. — М. : Слово, 2000.

14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — Волгоград : Перемена, 2000.

15. Battles H. K., Brengleman F., Haider N. L. Contemporary English: Frameworks. — Morristown, NJ, etc. : Silver Burdett Company, 1976.

16. Bovee C. L., Thill J. V. Business Communication Today. — N. Y., 1986.

17. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. — L. : Oxford Univ. Pr., 1975.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева